

# НОВЫЕ ДАННЫЕ О СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ИСЕТЬЯ

А. В. Матвеев

*The article introduces into research circulation results of paleo-carpological analysis regarding pottery of Cherkaskul settlement of Olkhovka in the Isset-river basin dated to the Bronze Age. Finding prints of wheat and barley on fragments of the pottery is in principle the first evidence proving acquaintance of the Cherkaskul population with agriculture though question of its role in the economy of the said group remains open.*

Реконструкция хозяйственной специфики черкаскульской культуры бронзового века, выделенной К. В. Сальниковым [1964, 1967, с. 353–374], на протяжении всего периода ее изучения осложняется рядом факторов. Основные из них — недостаточная представительность материалов, характеризующих поселения черкаскульских общин, а также преобладание среди этих объектов селищ с разновременными и нестратифицированными артефактами и палеозоологическими остатками. Первое обобщение результатов раскопок данных памятников позволило К. В. Сальникову констатировать, что хозяйственный уклад черкаскульского населения предполагал сочетание производящих отраслей с охотой и что особенностью скотоводства данных групп являлось разведение ими наряду с прочими домашними животными свиней. Это заключение неплохо согласовалось с выводами ученого о том, что черкаскульские общины являлись носителями культуры, отличной от андроновской и существовавшей к северу от последней.

Мнение К. В. Сальникова о значительной роли производящих отраслей хозяйства в экономике черкаскульской общности оспаривал Л. П. Хлобыстин [1976, с. 47], допускавший, что она базировалась на охоте и рыболовстве. М. Ф. Косарев [1984, с. 115–120], справедливо полагая, что хозяйство западносибирского населения в эпоху бронзы носило преимущественно многоотраслевой характер, считал основными занятиями черкаскульских групп скотоводство и охоту, отмечая при этом, что удельный вес рыболовства в хозяйстве данных общин определить трудно, а сведения об их земледелии носят косвенный характер. Смешанность разновременных материалов в культурных слоях большинства уральских поселений бронзового века заставила М. Ф. Обыденнова, А. Ф. Шорина, А. И. Варова и П. А. Косинцева [1994, с. 14] при характеристике систем жизнеобеспечения черкаскульского и межовского населения оперировать термином “черкаскульско-межовское хозяйство”, который не дает возможности оценить специфику хозяйственной деятельности ни самих черкаскульцев, ни одной из групп их потомков.

Перспективу более объективной характеристики занятий черкаскульских общин, обитавших в долине Исети, открывают материалы поселения Ольховка, исследованного автором у с. Рафайлово Исетского района Тюменской области. Памятник представляет собой селище с относительно чистым черкаскульским комплексом артефактов и палеозоологических остатков. В ходе раскопок поселения на площади около 800 кв. м удалось исследовать остатки довольно крупных жилищ 1 и 2 (последнее из которых оказалось частично разрушено обвалами берега), незастроенный участок, разделявший эти сооружения, а также целую свиту культурных слоев, отложившихся в заполнении котлована жилища 1 в то время, когда само оно уже прекратило существование, а поселок еще продолжал функционировать. С этими слоями оказались связаны остатки сравнительно небольших построек 3 и 4, возведенных на месте заброшенной полуземлянки [Археологическое наследие..., 1995, с. 171–173].

В ходе раскопок установлено, что хозяйственно-функциональная планировка по крайней мере одного из исследованных сооружений — жилища 1 — соответствовала принципу сочетания под одной кровлей и дома, и хлева, характерному для домостроительства ряда археологических культур эпохи бронзы, в том числе ирменской [Матвеев, Сидоров, 1985], федоровской [Зах, 1995, с. 68–69] и некоторых других. Это жилище представляло собой подпрямоугольное сооружение размером примерно 20 × 12 м, углубленное в материк в среднем на 0,5 м. Судя по тому, что земляной пол постройки имел отчетливые следы износа, она просуществовала достаточно долго. Не тронутыми снашиванием остались участки возле обеих коротких стенок жилища, полоса шириной около 1,75 м вдоль длинной юго-восточной стенки и не совсем ровная полоса шириной 3–4 м, проходившая по центру полуземлянки вдоль ее длинной оси. Как и во многих других жилищах эпохи бронзы, исследованных в лесостепи Западной Сибири и на сопредельных территориях, данный рельеф пола постройки следует, очевидно, объяснять регулярными чистками помещений, в которых зимой содержался скот.

<sup>1</sup> Работа выполнена по гранту РФФИ № 96-06-80548.

О большой роли животноводства в хозяйстве общины, оставившей данный памятник, свидетельствует и состав полученной при раскопках палеозоологической коллекции, изученной П. А. Косинцевым и Н. Е. Бобковской [1997]. Лошадей и мелкого рогатого скота в стаде данной группы было сравнительно немного: их кости составляют примерно 11–12 % от общего количества обнаруженных на памятнике фаунистических остатков. Преобладают же среди последних кости крупного рогатого скота, доля которых превышает 70 % от всего количества пищевых остатков. Очень малое (чуть более 3 %) количество костей диких животных говорит о том, что охота не играла сколько-нибудь заметной роли в хозяйстве жителей Ольховки.

Приведенные данные позволяют утверждать, что животноводство являлось одной из наиболее значимых отраслей хозяйства приисетских черкаскульских групп. Не менее обоснованным представляется заключение П. А. Косинцева и Н. Е. Бобковской о том, что по соотношению костей различных видов домашнего скота и возрастному составу забитых животных остеологическая коллекция, полученная при раскопках Ольховки, значительно ближе к палеозоологическим материалам, происходящим с андроновских памятников лесостепного Зауралья, чем к аналогичным сериям с черкаскульско-межовских поселений в предгорьях Урала. Особо следует отметить, что, по мнению указанных исследователей, единичные кости животных рода *Sus*, найденные на Ольховке (4 экз. в выборке из 1745 определимых костей), не дают возможности установить, принадлежали они домашней свинье или же кабану. Последний вариант ответа на поставленный вопрос кажется им наиболее вероятным вследствие малочисленности рассматриваемых находок.

Не менее ярко выражены андроновские, точнее, федоровские черты в морфологии и орнаментике керамики, найденной на Ольховке. Горшки и сосуды баночных форм покрывались лентами гребенчатых или резных зигзагов, а также геометрическими узорами, составленными из треугольников, ромбов, меандров. Особый колорит рассматриваемым изделиям придавало такое рифление их наружной поверхности, при котором оттиснутые на глине плоскостные орнаменты дополнялись горизонтальными каннелюрами или желобчатыми линиями более сложной конфигурации, включенными в меандровые раппорты.

Сходство декоративного оформления изделий федоровских и черкаскульских гончаров подчеркивалось всеми исследователями, затрагивавшими проблему систематики андроновских древностей. Введенная в научный оборот еще К. В. Сальниковым и до сих пор доминирующая в литературе концепция “лесного андрона”, рассматривающая черкаскульскую культуру как “андроноидное” образование, сложившееся к северу от ареала федоровских групп, дает этому факту весьма уязвимую, с нашей точки зрения, трактовку. Близость федоровских и черкаскульских керамических комплексов сторонники данной концепции объясняют общностью происхождения и той, и другой культур, а также их синхронным развитием на разных территориях (см., например: [Эпоха бронзы..., 1987, с. 282]). Контраргументами этой гипотезе могут служить полученные в последние годы данные о том, что федоровские памятники следует датировать более ранним периодом, чем черкаскульские [Кузьмина, 1988; Орлова, 1990, с. 103–105; 1995, с. 213; Кирюшин, 1991, с. 46; Матвеев, Орищенко, Зах и др., 1991, с. 29; и др.], и что ареалы федоровской и черкаскульской культур накладываются друг на друга не только в подтаежном, но также в лесостепном и степном Зауралье [Зданович Г. Б., 1973, с. 38, 39; Зданович С. Я., 1983, с. 74, 76, 77; Малютина, 1984, с. 73, 75, 78; и др.].

Еще один аргумент в пользу того, что черкаскульское население вряд ли правомерно рассматривать как лесное по происхождению и характеру своей культуры, удалось получить при карпологическом анализе керамики поселения Ольховка. Изучение отпечатков растений на керамике поселения в 1997 г. провела О. М. Корона в лаборатории исторической и популяционной экологии Института экологии растений и животных УрО РАН. В ходе этой работы изучению подверглось 74 черепка, на поверхности которых можно было предполагать наличие растительных отпечатков. На 22 обломках сосудов при детальном их рассмотрении таких отпечатков не оказалось, 29 сохранили следы практически неопределимой растительности, на 11 фрагментах удалось зафиксировать отпечатки стеблей и листьев злаков или осок, еще на шести — корней и корневищ растений, древесины, а также хвои. Более информативными в интересующем нас плане оказались шесть оставшихся черепков. На двух из них отмечены отпечатки семян рдеста (*Potamogeton* sp.) — водного растения, на двух других — семян дикорастущего и предположительно культурного злаков, еще на двух — семян пшеницы (*Triticum* sp.) и ячменя (*Hordeum vulgare*). Полученные данные могут рассматриваться как первые прямые свидетельства знакомства черкаскульского населения Приисетья с земледелием, хотя вопрос о его роли в хозяйстве указанной группировки остается открытым.

Результаты изучения материалов поселения Ольховка не только корректируют сложившиеся представления о системе жизнеобеспечения черкаскульских групп, обитавших в лесостепном Зауралье, но и в совокупности с другими фактами позволяют предполагать, что данные общины правильнее рассматривать не как лесных соседей федоровцев, а как прямых потомков последних. Культура данных групп принадлежит особому, постфедоровскому, этапу андроновской эпохи, предшествовавшему периоду формирования культур заключительного этапа эпохи бронзы на территории Урала, Юго-Западной Сибири и Казахстана.

## Литература

- Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы / Матвеев А. В., Матвеева Н. П., Панфилов А. Н. и др. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
- Зах В. А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Урал. ун-т, 1973. Вып. 12. С. 21–43.
- Зданович С. Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т, 1983. С. 69–80.
- Кирюшин Ю. Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. конф. Барнаул: Алт. ун-т, 1991. С. 43–47.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М: Наука, 1984. 248 с.
- Косинцев П. А., Бобковская Н. Е. Костные остатки с черкаскульского поселения Ольховка в Приисетье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 127–132.
- Кузьмина Е. Е. Еще раз о хронологии и этнической атрибуции памятников федоровского типа андроновской общности // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. конф. Барнаул: Алт. ун-т, 1988. С. 95–97.
- Малютин Т. С. Могильник Приплотный Лог // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т, 1984. С. 58–79.
- Матвеев А. В., Орищенко А. В., Зах В. А. и др. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. конф. Барнаул: Алт. ун-т, 1991. С. 28–31.
- Матвеев А. В., Сидоров Е. А. Ирменские поселения лесостепного Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Тюм. ун-т, 1985. С. 29–54.
- Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., Варов А. И., Косинцев П. А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Препринт. Екатеринбург: ИИА и ИЭРиЖ УрО РАН, 1994. 114 с.
- Орлова Л. А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). Новосибирск: Наука, 1990. 128 с.
- Орлова Л. А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. 2. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1995. С. 207–232.
- Сальников К. В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Урал. ун-т, 1964. Вып. 6. С. 5–23.
- Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 472 с. (Археология СССР).

Тюмень, Институт проблем освоения  
Севера СО РАН